

Из зерна самиздата

Интервью с Владимиром Марамзиным

«Удивительный, ни на кого не похожий писатель» – так отзывался о Владимире Марамзине его друг поэт Лев Лосев. Марамзин, уже более 40 лет живущий в Париже, мог бы спокойно почитать на лаврах свершенного, но, несмотря на 83-летний возраст, бодр, энергичен и ведет активную творческую жизнь. Только что выпустил второй том романа-трилогии «Страна Эмиграция», а третий уже готов наполовину.

Писатель шутит: «Я – продукт Октябрьской революции, без которой мои родители никогда не могли бы ни встретиться, ни пожениться. Ведь мой отец – еврей, а мать русская, причем дочь священника». По словам Марамзина, единственный факт, который нарушил его счастливую в целом жизнь, было ничем не обоснованное нападение на него в 1974 г. советского государства, с арестом, судом и высылкой из страны. Обычно пишут, что это произошло из-за составления Марамзиным самиздатского собрания сочинений Иосифа Бродского, но главная причина была в собственных произведениях писателя, вроде «Тянитолкая» и «Блондина обеего цвета», очень не устраивавших КГБ и партийных лидеров Страны Советов. Причем Марамзин оказался единственным политзаключенным, в защиту которого выступил Владимир Набоков, пославший две телеграммы – в Союз писателей СССР и Брежневу.

«Эмиграция – это всерьез и надолго. Эмиграция – это навсегда. Эмиграция – это отмеченность. Нужно не страшась сказать себе, без ложной скромности: выходит, я избранник? Мы не в изгнании, мы в избрании», – это строки из первого тома «Страны Эмиграции» (главу из романа см. на стр. 71). Он необычен по структуре: яркие документальные зарисовки из жизни русскоязычного творческого зарубежья органично переплетаются с виртуозным художественным вымыслом, реальные персонажи соседствуют с придуманными. И все это сдобрено тонким юмором, что вообще отличает сочинения Марамзина. Весьма точную характеристику ему дал Юз Алешковский: «Есть выразительно-генетическое, но отнюдь не стилистическое сходство этого писателя с самыми крупными фигурами петербургского периода русской литературы».

На Западе Марамзин активно общался с другими выдавленными из Союза – Иосифом Бродским, Владимиром Максимовым, Александром Галичем, Сергеем Довлатовым, Алексеем Хвостенко (с ним Марамзин выпускал журнал «Эхо»), Анри Волохонским, Андреем Синявским, Львом Лосевым, Михаилом Барышниковым, Михаилом Хейфецем, Мстиславом Ростроповичем, Галиной Вишневской и др. Сейчас близок с Олегом Целковым и Михаилом Шемякиным. Слышать воспоминания об этих людях из уст талантливого рассказчика Владимира Марамзина – незабываемое переживание. Вскоре литературные вечера с его участием пройдут в Германии. Он принципиально отказывается издаваться в России, доверяя выпуск своих произведений лишь парижскому издательству «Эхо». И потому выступления писателя – это еще и уникальная возможность приобрести его книги, да еще с подписью автора. Накануне приезда Марамзина в Германию я побеседовал с ним по телефону.

– Как проходило составление самиздатского собрания сочинений Иосифа Бродского?

– Когда он уезжал, то я его попросил: «Ты оставь нам хотя бы основной корпус твоих стихов. Мы не будем распространять их, если ты не хочешь, а уж печатать явно не сможем». Иосиф сказал: «Ты знаешь, у меня ничего нет – все в голове». Но оказалось, что в голове у него было совсем не все. И тогда он дал мне какие-то черновики, старые конторские книги, в которых писал в деревне Норинской. Там было много замечательных стихов, я был их первым читателем. Потом Иосиф дал мне адреса друзей, у которых хранились его рукописи, которые он попросту раздавал. В конце концов он сам улекся составительской работой, исправлял и восстанавливал даты написания стихов, просмотрел все, что было собрано. Это было примерно за три месяца до его отъезда, а уехал он 12 июля 1972 г. Остальное я уже добирал без него – стихи на случай, переводы двух пьес и так далее. В итоге мною был собран пятитомник.

– Вы прекрасно знали, что самиздат в СССР, мягко говоря, не приветствовался. Но с точки зрения здравого смысла, это была парадоксальная ситуация: человек призывает к вооруженному восстанию, а занимается просветительской деятельностью, и вдруг его действия квалифицируют как уголовно наказуемое деяние.

– Передраги у меня начались еще за год или даже два до обыска в моей квартире и последовавшего ареста. Состоялся пленум Ленинградского обкома, о чем я узнал от директора Третьего творческого объединения «Ленфильма», для которого я написал около 15 сценариев. И вот директор меня спрашивает: «Это правда, что ты написал рассказ „Двойня“? Его зачитали на пленуме и сказали: „Как молодые советские писатели могут писать такие вещи?!“» И с той поры у меня на «Ленфильме» пошла нерадостная жизнь. Потом был еще случай, о котором мне рассказывал знакомый танцор балета. Была собрана группа деятелей культуры для ознакомления с деятельностью КГБ. И вот их пригласили для беседы о самиздате и тамиздате. В числе прочих показали книжку Бродского. А потом выступал один гэбэшник и сказал: «Сейчас у нас в самиздате наибольшим спросом пользуются произведения Владимира Марамзина», после чего присутствовавший в зале Виктор Соснора крикнул: «Нет, мои больше!» Но на него никто не обратил внимания. И танцор балета мне сказал: «Володя, чувствую, что у тебя будут неприятности».

– Так и случилось: 1 апреля 1974 г. КГБ вам устроил своеобразный «розыгрыш» – обыск.

– Да, в восемь утра позвонили в дверь и говорят: «Владимир Рафаилович, не беспокойтесь, это не первоапфельская шутка. Это КГБ, мы должны у вас произвести обыск». Я спрашиваю: «У вас есть ордер?» – «Есть, все по закону». – «Подсуньте мне под дверь». Подсунули – верно, ордер на обыск. И после него за мной всегда ездили две черные машины. Но я однажды их обмотал. Был в

Ленинграде такой замечательный человек – театральный режиссер Илья Саулович Ольшвангер, который в свое время поставил мою пьесу «Объясните мне кто-нибудь – я скажу вам спасибо». Одно представление только было, потом ее изъяли из репертуара. Я поехал к Ольшвангеру, за мной привычно следили. Я пробыл у Ильи Сауловича два или три часа, а потом он выпустил меня с заднего хода старой питерской

Владимир Марамзин: «Для меня зависти в литературе не существует»

квартиры. Я взял такси, увидел, что никто за мной не едет, и отбыл в Москву, чтобы всячески привлечь гласность к нашему делу. Когда я вернулся, меня арестовали. Надо сказать, что мне не стали инкриминировать ни издание сочинений Бродского, ни даже составление библиографии Платонова, которую я передал в публичную библиотеку. Следовательно сказал мне: «Мы могли бы вас уже и за Платонова привлечь, потому что в библиографии были зарубежные издания – „Посев“, „ИМКА-Пресс“ и другие. Значит, вы их видели». – «Ну, видел, но никому не давал». Они переквалифицировали дело на мои собственные писания, которые дали кому-то на рецензию, и в них нашли состав преступления – антисоветское содержание.

– Мое знакомство с вашими сочинениями началось с самиздатского экземпляра «Блондина обеего цвета». Эта повесть дает понятие о принципиально иной системе творчества, в которой приняты действия без оглядки на привычки издателей и «кружки читателей», а лишь следуя вольному духу своей интуиции, сформированной годами упорного сопротивления косности. Читаешь, и возникает ощущение спонтанности изложения, к повести хочется возвращаться снова и снова, как, например, к эпохальным джазовым записям. И очень важно, что слова в ней расставлены в особом порядке. Этот прием задает особый ритм, заостряет внимание на смысле повествования и помогает, не отвлекаясь, проглатывать предложение за предложением.

– Существует даже такая теория – какие слова можно выкинуть из предложения или какие буквы можно изъять из слов, чтобы читающий человек все равно мог понять смысл написанного. И вот мне тоже это

было интересно, как перестановка слов ведет к другому смыслу или обнажает скрытый смысл. Меня допрашивали чуть ли не по каждой фразе из «Блондина обеего цвета». Например: «Труд сделал из обезьяны советского человека». Как они ни крутили – со всех сторон издевательство. Я говорю: «Ну, вы же везде, где упоминается человек, добавляете „советский“. Если труд сделал из обезьяны человека, то и советского человека в том числе». Или мой герой произносит такую фразу: «А при коммунизме даже самый последний еврей станет русский». Мне говорят, что это оскорбление. Спрашиваю: «Оскорбление кого? Евреев, русских или коммунизма?» Но они не могли мне ответить на этот вопрос.

– Еще я хотел бы остановиться на вашем предисловии к «Смеху и горю» – составленному вами сборнику произведений Николая Лескова. Оно свидетельствует о глубочайшем проникновении в суть творчества этого писателя. Предисловие радикально упорядочивает восприятие сочинений Лескова. Это серьезнейший труд и пример того, как должно одному писателю рассказывать о произведениях другого писателя.

– Для меня зависти в литературе не существует. Литература замечательна своим разнообразием. Я с большой отдачей занимался Платоновым, потом Бродским и вот – Лесковым. Достоевский называл его гением, а Толстой – писателем будущего. С предисловием к сборнику Лескова у меня произошла интересная история. Я послал своему давнему другу художнику Олегу Целкову копию статьи про Лескова, которого, кстати, советовал ему читать, а он говорил: «Володя, я посмотрел „Левшу“. Ну, это такой старинный язык, меня это уже не интересует». Но, прочтя мою статью, Олег мне позвонил и оставил на автоответчике восторженную речь – 20 минут говорил. Наконец-то понял, что такое Лесков. Я подарил «Смех и горе» Поэлу Карпу. И даже он, умудренный опытом, знающий всю литературу, сказал, что словно прочел Лескова заново. Вот интересно! Так что я немножко горжусь этой работой. Правда, я вдруг увидел в Интернете, что в России обсуждался вопрос о том, чтобы выкинуть Лескова из школьной программы по литературе. И я подумал: не из-за моей ли статьи? (Смеется.)

Беседовал
Сергей ГАВРИЛОВ

25.10., 18.00. Ludwig-Maximilians-Universität, Institut für Slawische Philologie (аудитория E-318, Geschwister-Scholl-Platz 1, 80539 München)

30.10., 18.00. Jüdisches Gemeindehaus (Kleiner Saal, Fasanenstr. 79-80, 10623 Berlin) Tel.: (030) 880 28 404 (IMPULS)

03.11., 15.00. Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen, Seminar-Raum 3790 (Klagenfurter Str. 8, 28359 Bremen)

05.11., 16.00. Jüdische Gemeinde (Schwachhauser Heerstr. 117, 28211 Bremen)